

Меня зовут Отто. Я мужчина, любящий свою красивейшую, прекраснейшую жену Коринну больше всех на свете.

Ее волосы кремового цвета, а радужки глаз — серые. Каждый из ее бледных цветов дополняет ее нежную чистую атмосферу, расплывающуюся вокруг. Ее нос может показаться длинным, но она такая милая, когда беспокоится о том, что пухленькие щеки заставляют ее выглядеть по-детски. Она такая обаятельная, когда, смеясь, говорит, что не знает, что собирается со мной делать. Она невероятно пахнет, когда я ее обнимаю, и ее большая грудь прижимается ко мне. Она лучшая.

Я буду кричать об этом с вершины мира! Моя Коринна лучшая на земле!

Сегодня, по просьбе моей помощницы Мейн, я встретил Лютца, мальчика, который сказал, что хочет стать торговцем. Я мягко ударил его суровой правдой реальности, разбив его мечты на мелкие кусочки.

— Я дома, Коринна! — позвал я. — Бенно тоже со мной.

— С возвращением, дорогой... Итак, даже после издевательств над ребенком, который даже не был крещен, ты все равно способен вернуться домой с такой улыбкой.

— Она такая милая, даже когда дуется! — озвучиваю я свои мысли и ловлю на себе слегка шокированный взгляд жены. Она вздыхает, но я лишь пожимаю плечами.

— У меня не было выбора. В конце концов, нет ничего хорошего в том, чтобы стать торговцем. Конечно, мне пришлось полностью разрушить его мечты, но это было для его же блага.

— Думаю, да, но... — серые глаза смотрят в пол, а брови хмурятся в тревоге и жалости. Увидев мою Коринну переживающей за другого мужчину, пусть он и ребенок, я чувствую, как трепещет мое сердце.

— Ты такой добрый человек, Коринна. Ты так волнуешься о ребенке, которого даже не встречала... — я обхватываю ее за плечи и крепко обнимаю, готовый поцеловать.

— Ты заслоняешь дверь, Отто, — тихо говорит Бенно из-за моей спины. — Просто идите в дом, пожалуйста.

Коринна, немного взволнованная, отталкивает меня в сторону и пропускает Бенно.

— Заходи, большой брат! Ты выглядишь расстроенным, может, ты чувствуешь вину за то, что этот ребенок был отвергнут?

Глубокие морщины залегают между бровями Бенно, и от обычного приветливого выражения на лице не остается и следа. Вопреки тому, что думает Коринна, Бенно не отвергал Лютца, поэтому, конечно, его мрачное настроение вообще не имеет никакого отношения к вине.

— Нет-нет, Коринна, не поэтому, — говорю я. — Он попытался увезти Лютца после того, как мальчик сказал, что хочет стать учеником торговца, но не получилось. Мейн поставила несколько условий, и Бенно фактически принял их. Она совершенно изменила свое отношение к нему. Вот почему он так расстроен.

— Отто... — говорит Бенно низким предостерегающим голосом. Я игнорирую его и направляюсь в дом вместе с Коринной.

Он, должно быть, чувствует, что ребенок сделал его. Это отлично. Наслаждайся этим, Бенно. Так я чувствую себя каждый раз, когда Мейн делает что-то шокирующее.

Пока мы идем к гостиной, я обнимаю Коринну сзади и целую ее прекрасные кремовые волосы снова и снова. Бенно сжимает кулаки, говоря, что стоит подождать, пока мы не останемся наедине. Я сержусь на него за то, что он прервал нас, но если я начну говорить об этом в присутствии Коринны, она скажет мне немедленно прекратить, так что я лучше прикушу свой язык.

Гостиная, где Коринна развлекает своих гостей, совершенно обычная. Она упорно старается поддерживать помещение в полной чистоте, чтобы в любой момент могли заглянуть посетители. В центре комнаты стоит круглый стол, но не такой, как в столовой. Вокруг него четыре стула. Поскольку обивка мебели — это не обычная одежда, она считается признаком богатства. В этой гостиной ее гораздо больше, чем в любой другой комнате дома. Например, витрины расположены вдоль правой стены, показывая образцы, которые Коринна может сделать. На левой стене висят яркие гобелены, сшитые из оставшейся ткани.

Я не часто захожу в эту комнату, но сейчас мне интересно просто посмотреть на нее, так как она украшена ручной работой Коринны. Я сажусь за стол напротив Бенно, широко улыбаясь ему.

— Что ж! Это был неожиданный поворот событий! Я никогда бы не подумал, что Бенно пойдет на компромисс...

— Что? Бенно что? — спрашивает Коринна, округлив глаза. — Отто, ты обязан мне все рассказать!

Она такая милая, когда пристает ко мне с таким выражением лица. А после того, как Коринна садится на стул рядом со мной, она немного подпрыгивает. Моя жена, действительно, восхитительная.

Коринна редко так интересуется моими делами, поэтому я с радостью рассказываю ей о

событиях дня, мысленно аплодируя Мейн за ее усилия.

Когда я заканчиваю свой рассказ, Коринна удивленно смотрит на брата:

— Ради этой встречи он привел себя в порядок так, как только мог, а затем появился на площади задолго до того, как прозвонил колокол... Бенно, тебе не кажется, что эта битва была проиграна с самого начала?

— Заткнись...

Настроение Бенно становится все хуже и хуже. Даже когда он наливает ликер, который Коринна принесла специально для него, морщины между бровями не исчезают. Поддержание хотя бы минимального уровня личной безопасности и обеспечение того, чтобы прибыть на место раньше человека, которого ты попросил явиться вовремя — все это обычные вещи для торговца. Бенно подумал, что мог бы понять, насколько подготовлен Лютц, основываясь на этих двух вещах, но Лютц избавился ото всех препятствий.

Однако, возможно, это была проделка Мейн. Иначе я не могу объяснить выражение ее лица, когда девочка увидела, что мы вошли на площадь. Сегодняшним победителем была явно Мейн, и благодаря этому я созерцал сцену, где Бенно был вынужден пойти на компромисс.

— Что ж! Спасибо Мейн, сегодня было гораздо больше веселья, чем я предполагал!

— Ты говоришь о дочери лидера, так? О той, которая, как ты говорил, очень яркая?

— Да, это так. Несмотря на то, что прошло почти полгода с тех пор, как я сделал ее своей помощницей, я все еще не очень хорошо понимаю ее. Она настолько необычна, что я не могу не задаться вопросом, как можно было бы воспитать такого ребенка, как Мейн. Как торговец, я был во многих местах, встречал разных людей, живущих в разных условиях, но Мейн — исключительна. Бенно, мой компаньон на этот день, имеет аналогичный опыт; как торговец, он знает многих людей. Если ты считаешь, что мой спектр знаний широкий, но мелкий, у Бенно он узкий, но глубокий.

— Эй, Отто, — говорит он. — Что это было?

— Я тебе уже сказал, это была моя помощница.

— Нет, это я понял, но не ври мне: это была действительно дочь солдата?

— У меня нет никаких сомнений на этот счет... но я всё-таки думаю, что это странно.

— Как так? — спрашивает Коринна, удивлённо склонив голову.

Обычно, когда я рассказываю ей о своем дне, я упоминаю немного вещей о Мейн, вроде того, какая она умная, какая хрупкая и так далее, но это был первый раз, когда я назвал ее странной. В конце концов, я думаю, что она настолько странная, что понять это можно лишь встретив ее вживую.

— В первую очередь, у нее необычная внешность. Мейн так следит за собой, что никогда не подумаешь, что она дочь солдата. Одежда, которую она носит, не так уж отличается от того, что носят ее сверстники: старые, изношенные и зашитые местами вещи. Ее кожа и волосы, однако, настолько чисты, что аж сияют. Лидер отряда — мужчина, который выглядит в точности, как и остальные солдаты, но ни одна из его дочерей не похожа на отца — все они предельно чисты, и их волосы блестят.

— Тогда, получается, мать девочек помогает им следить за кожей и волосами?

Коринна — дочь богатого торговца, поэтому, даже если она видела, как живут бедные люди, то все же не могла по-настоящему понять всей ситуации. Уход за волосами и кожей требует времени, денег и специальных средств. У бедных людей этого нет.

Я последний раз видел их мать прошлой зимой, но не сказал бы, что она прикладывает особые усилия для ухода за собой. Она, правда, такая красивая, что даже лидер отряда не заслуживает такой красоты.

В зимние дни Мейн стояла около ворот довольно долго, чтобы ее семья могла собрать Пару (неизвестное японское растение; возможно, придуманное автором). И, когда мать пришла за ней, то все, что я заметил, это ее красота и сходство с самой Мейн.

— Ох, это действительно так? — говорит Коринна со смешным мерцанием в серых глазах. Я очень редко говорю комплименты другим женщинам.

— Конечно, ты лучшая женщина во всей моей жизни, и я никогда и ни за что тебе не изменю!

— Да-да, дорогой, достаточно... Бенно, тебе Мейн не показалась странной?

Бенно снял очки, откинулся на спинку кресла и посмотрел на луч света, поднимающийся по потолку. Медленно вздохнул:

— Да. Ее волосы цвета ночного неба были настолько глянцевыми, что казалось, будто они светятся, ее кожа была незапятнанно-белой, а руки не были похожи на руки тех, кто зарабатывает на жизнь ручным трудом. Ее зубы тоже были белоснежно-белыми. Но ее старое потертое платье совсем ей не шло.

— Подождите... волосы такие глянцевые, что чуть ли не светились?! Что она делает для этого?

— А? — говорю я, удивленно моргая. — Коринна, но ты уже и так прекрасна по-своему!

— Тихо, Отто! Я разговариваю с братом.

Женщинам кажется, что блеск волос — вопрос первостепенной важности. Коринна редко проявляет такой интерес к чему-то, что не связано с шитьем.

— Казалось, будто она что-то туда добавила, но она не сказала мне, что именно.

— Бенно, она сказала, что это секрет, — добавил я.

— Отто, думаешь, ты сможешь спросить ее об этом? — спросила Коринна.

— Да, но с этого момента она, вероятно, будет настороже, поэтому я не думаю, что смогу получить ответ.

Коринна хочет знать, что Мейн делает со своими волосами. Для Коринны я попрошу об этом Мейн в следующий раз, когда увижу ее, хотя уверен, что это бесполезно.

— Помимо ее волос, — говорю я, — я думаю, что причина, по которой ее руки такие чистые в том, что ее тело настолько маленькое и слабое, что она не может чем-то помочь по дому. Белизна ее кожи, вероятно, из-за того, что она болеет в любой момент, когда выходит на улицу и, следовательно, не получает достаточно солнечного света. Честно говоря, она только этой весной стала достаточно здоровой, чтобы выходить на улицу.

— Теперь, когда ты упомянул об этом... Мы в последний раз отменили встречу из-за ее лихорадки, не так ли?

Я киваю, не в силах сдержать свое раздражение, поскольку помню, каким нервным и отвлекающимся был лидер отряда во время пятидневной лихорадки его дочери.

— Итак, другими словами, появление Мейн связано с ее слабым иммунитетом? — спрашивает Коринна. — Этого недостаточно, чтобы назвать ее странной, не так ли?

Кажется, что Коринна решила, услышав это, что все не так уж и важно. Она пожимает плечами, словно быстро теряет интерес.

Бенно качает головой:

— Нет, это не просто ее внешность, что странно. То, что выделялось для меня, было ее позой и ее речью... Это было то, чего она не могла освоить без очень хорошего воспитания дома. Отто,

не говори мне, что у нее было такое строгое воспитание, ее родители опозорены бывшими членами дворянства.

Я бы не делал такого вывода о семье лидера отряда. Если посмотреть на остальных членов семьи Мейн, то вопрос об их связи с аристократией отпадет сам собой.

— У лидера отряда есть еще одна дочь, совершенно обычная. Ее волосы глянцевые, а кожа довольно чистая, но это все. Она не так далека от своих сверстников, как Мейн.

Бенно легонько кивает, а затем смотрит на Коринну.

— Коринна, — говорит он, — эта девушка не просто выглядит странно. У нее хватило смелости поддерживать зрительный контакт, когда я смотрел на нее; она была достаточно хитрой, пытаюсь защитить свою тайну о волосах; смогла накормить меня диким блефом, не имея ничего, что могло бы его подтвердить, и мы даже договорились о сроках... ничего из того я даже не ожидал от ребенка, который даже не был крещен.

— Ребенок, который не боится твоего взгляда, Бенно?! — спрашивает Коринна, широко раскрыв глаза. — Этот ребенок странный. Вне всякого сомнения, этот ребенок странный.

Когда Бенно непринужденно лежит, его взгляд становится острым, как у хищника. Бенно — старший сын семьи, а Коринна — младшая дочь, поэтому, когда они потеряли отца, а Коринна все еще была очень молода, Бенно стал растить и воспитывать ее. Он много ругал девочку, когда она была ещё незрелой, и то, что даже по сей день она все еще не может выдержать его взгляд, — явный признак того, насколько грозным может быть Бенно.

— А-ах, а ее память и вычислительная способность потрясающие! — говорю я. — Сейчас я думаю о том, как я дал ей свой сланцевый карандаш, и она удивила меня. Она взяла его и сразу начала писать, несмотря на то, что никто не показывал ей, как это делать! Уже умела писать!

— Может, она училась, смотря на тебя? — спрашивает Коринна, задумчиво наклонив голову.

Она коротко оглядывается, и заметив, что мой стакан пуст, наливает мне еще один. Я делаю глоток, размышляя о том, как мне стоит ответить. Это правда, что я показал ей пример, но...

— Письмо — это не то, что ты можешь просто начать делать после наблюдения за кем-то, тем более, она писала аккуратно с самого начала. Я тренирую всех новых учеников, как писать каждый сезон, поэтому я знаю, как трудно учиться. Когда они только начинают, они едва могут провести линию, не говоря уже о том, чтобы написать одну букву.

— Ах, да, ты прав...

Коринна инструктировала немало учеников по-разному, поэтому она знает, как редко кто-то

может научиться делать что-то, просто наблюдая.

— Ее расчетные способности также очень странные. Она сказала, что узнала, как складывать цифры, когда ее мать отвезла на городской рынок, но, конечно же, невозможно, чтобы кто-то научился считать, просто изучая цифры, верно?

— Ну, — говорит Бенно, — ученики, которые приходят ко мне, уже знают немного математики. Знаешь, может, это их родители учат?

Дети, которые становятся учениками торговцев, как правило, являются детьми торговцев, поэтому они нередко знают, как читать, писать и считать к моменту, когда проходят церемонию крещения. Когда я был ребенком, то путешествовал с родителями моего торговца, они научили меня математике и письму. Однако возможности Мейн находятся на совершенно ином уровне.

— Это не просто математика. В финансовом отчете Южных ворот рассчитывается количество и стоимость всего оборудования, которое нам понадобится в течение года. Это не небольшие цифры, которые вы видите на городском рынке, это очень значительные суммы, и когда начинаешь их прибавлять, а она могла делать такие вычисления, как будто это повседневная вещь. Кроме того, ей даже не нужно было использовать калькулятор, она работала только своим шифром.

— Обычно это не та работа, которую ты поручаешь помощникам, ведь так? Позволить ребенку, как она, работать над твоим финансовым отчетом... — говорю я, заметив ноту удивления во взгляде Бенно. — Не говорите никому, что я это сказал, но я думаю, что могу доверить ей сделать около семидесяти процентов финансового отчета самостоятельно.

— Что?! Семьдесят процентов... Отто... — шокированно произнесли они, широко распахнув глаза. Я не смог не рассмеяться.

— И это всего лишь семьдесят процентов, только потому, что есть то, что она еще не знает! И от этого только хуже. Когда я был вдали от офиса, она смогла отлично справиться с тем, что нужно было сделать, когда кто-то пришел с письмом о введении в дворянский ранг. Это было шоком. В тот день я был на собрании, мой лидер отряда постоянно беспокоило ерзал на своем месте, потому что ему не хватало церемонии крещения для его любимой дочери.

Когда это закончилось, Мейн пришла ко мне, чтобы сдать отчет: торговец, несущий рекомендательное письмо от низкопоставленного члена дворянства, ждал обработки. По сути, когда посетитель приходит с письмом о введении от одного дворянина к другому, мы хотим как можно быстрее разместить их, подтвердив информацию и пропустив в город. Даже если они простолюдины, их все равно следует относить к младшим дворянам.

В тот день встреча, на которой я присутствовал, была назначена высокопоставленным дворянином. Конечно, когда приходится решать, что в приоритете, запрос высокопоставленного дворянина принимается ранее, чем младшего. Однако, если мы обидим

младшего дворянина, он разозлится на нашу грубость, будет размахивать письмом введения, как щитом. Да и разъярить высокопоставленного дворянина, значит создать огромный беспорядок. Вместо этого Мейн направила торговца, который не был дворянином, в зал ожидания для младших дворян, щекоча его чувство самонадеянности, затем объяснила тот факт, что высокопоставленные чиновники были в середине встречи, созванной важным дворянином. Затем, сразу же после завершения собрания, она пришла, чтобы доставить отчет, во избежание недоразумений с ведущим частным лицом, чтобы торговца можно было быстро обработать. Она сделала все это, обучая нового рекрута, несмотря на то, что он был настолько взволнован, что был практически бесполезен. Это было бы идеально.

— Какая удивительная девочка, не так ли? — говорит Коринна.

— Удивительная, хм... больше странная. Тем не менее, я думаю, что командир отряда Гюнтер не обратил особого внимания на ее особенности. С его точки зрения, я думаю, он просто видит ее своей очаровательной хрупкой девочкой. Если бы я не сказал, что хочу взять Мейн в помощники, никто бы не заметил ее превосходства, не так ли? Даже сейчас он говорит «моя маленькая девочка такая умная!» без, думаю, реального понимания, насколько она ненормально умна.

— Хорошо, что он так медленно соображает, так ведь? — смеется Отто.

— Если бы она сбила его с толку, ему даже было бы не странно вышвырнуть ее!

Коринна печально хмурится:

— Не шути о таких вещах. Я даже не хочу это представлять.

— Все в порядке, Коринна, — говорю я, утешительно улыбаясь. — Даже если лидер отряда действительно исчезнет, и если ее вышвырнут, тогда, возможно, Бенно сможет ее принять. В конце концов, она настолько удивительная, что смогла полностью поменять свое к нему отношение.

Коринна тихо улыбается. Да, как я и думал, Коринна выглядит мило, улыбаясь.

— Эй, — говорит Бенно, слегка барабанив пальцами по столу, — ты думаешь, что девочка сможет совладать с этой бумагой? — его глаза вновь заблестели заинтересованностью торговца.

— Той бумагой, которая не пергамент? Думаю, она может это сделать.

— Ты действительно веришь в нее?

— Хм-м-м... Мейн сказала мне, что ей что-то нужно, и она действительно хотела это сделать, но

у нее не было сил справиться с этим самостоятельно. Я сказал ей, что она всегда может убедить кого-то сделать это для нее, если она не сможет сделать это сама. Если Лютц будет ее руками и ногами, двигаясь, как она скажет, тогда она сможет все. Мейн сказала мне, что сожалеет о том, как мало сил и выносливости у нее есть, а это значит, что она уже знает, как и что она хочет сделать. Затем она заявила, что сможет это сделать, как будто знает, что вероятность успеха высока. Скорее всего, это был не блеф.

— Если она и правда это сделает, то это перевернет рынок города вверх тормашками. Как я справлюсь с этой девочкой?

— Ты думаешь взять ее на себя?

Похоже, Бенно думает о том, чтобы взять себе в ученики не только Лютца, но и Мейн. Это просто догадка, но когда я говорю это вслух, его глаза расширяются.

— Конечно, ты думаешь, я позволил бы кому-то отбиться от рук? Какие именно вещи она умеет производить сама?

Эта «шпилька», которую она носила, или любой другой предмет, который она носит в волосах, бумага, которая не похожа на пергамент... и это только то, о чем я знаю! У нее, должно быть, есть еще больше идей. Она была бы просто бедствием, которое могло обратить весь рынок в хаос.

— Подожди, это мой ученик! Ты не можешь просто так украсть ее! Я не думаю, что утверждение Бенно ошибочно, но у меня есть возражения. Я провел последние полгода, чтобы поднять ее, чтобы она могла раскрыть свой потенциал в бюджетных отчетах под конец года. Я не собираюсь стоять без дела просто потому, что Бенно забирает ее у меня. Бенно, однако, посмеивается, сжимая губы в самодовольной улыбке.

— Мейн сказала, что стать торговцем — это вторая цель. Она не заинтересована в том, чтобы быть твоим помощником! Ты тренировал ее всего полгода? Найди кого-нибудь другого, Отто.

— Где я найду кого-то другого, кого можно обучить за полгода? Мейн хорошо соображает, Лютц может это воплотить в жизнь, поэтому нет никаких проблем, если она продолжит работать у ворот, не так ли? Я не собираюсь отдавать ее в течение бюджетного сезона.

Мы с Бенно атакуем друг друга, изо всех сил желая, чтобы другой капитулировал. Я хватаю свою чашку и выпиваю оставшуюся часть напитка.

— О, да, безусловно! — рычит Бенно.

— Я собираюсь поручить ей контракт с гильдией торговца. Я не могу рисковать, пока ее заберёт кто-то другой.

— Тогда подумай о ее здоровье! Работа с торговой гильдией невозможна!

— О ее здоровье?

Бенно сдувается, будто он стал внезапно истощен. Я нашел лазейку и развиваю свою мысль:

— Ее состояние настолько плохое, что она почти критически слаба, не так ли? Поручать ей какую-то физическую работу невозможно! Она такая хрупкая, да?

— Да, когда она отправилась в соседнюю деревню в день убоя свиней, то внезапно рухнула на землю. Лидер отряда вернул ее в ночную дежурную комнату, чтобы отдохнуть. Это был первый раз, когда я пообщался с Мейн. Я думал, что с ней все будет хорошо, так как она была в теплой комнате с камином, поэтому я дал ей сланцевую карточку, чтобы она могла развлечься, и оставил ее в покое. Но некоторое время спустя у нее опять случилась лихорадка, и она снова упала в обморок.

— Да?! Мне нужно было быть на дежурстве в тот день, поэтому я на некоторое время оставил ее рядом с камином в ночной комнате. Когда я вернулся, чтобы проверить ее, она упала в обморок из-за лихорадки. Когда лидер отряда подобрал ее, он сказал, чтобы я не обращал на это внимания, потому что это происходило все время. Ее слабость, похоже, была чем-то вроде семейного. Когда пришла весна, ей было совсем плохо. Девочка могла даже ходить сама от своего дома к воротам.

— Подождите... к воротам? — спрашивает Бенно.

— Независимо от того, где твой дом находится в этом городе, до ворот не очень далеко, не так ли? — добавляет Коринна.

Окружен со всех сторон стеной город не такой уж и большой. Даже человек, идущий в темпе ребенка от западных ворот к восточным, не будет идти дольше одного звона колокола.

— Правильно, дом лидера отряда не особенно далеко от южных ворот. Однако это не помогло Мейн. Она была истощена уже примерно на полпути, и после того, как лидер отряда донес ее до конца на руках. Ее положили в дежурном зале, и вплоть до полудня она не могла двигаться. После этого ей пришлось остаться в постели еще два-три дня.

— Эй, это... она действительно в порядке? Неужели она просто умрет от физической работы?

Я не могу сказать, что я этого не боюсь. Бенно всегда бодрствует, и его рабочее место настолько занято, что оно постоянно наполнено чистой, сырой энергией. Я не могу представить место, которое будет подходить Мейн для работы.

— Ну, к тому времени, когда весна была на полпути, девочка, наконец, смогла дойти до ворот,

и ей нужно было гораздо меньше времени, чем раньше, чтобы восстановиться. Когда весна закончилась, она смогла пробраться к лесу, но я думаю, что у нее все еще нет сил делать какую-то обычную физическую работу. Так что, я думаю, что Мейн должна работать у ворот, где деловая бумага является ее единственной ответственностью, и она может позаботиться о себе...

Хм... Я сказал, что у нее плохое состояние, но, похоже, Бенно не думал, что она настолько хрупкая. Он ломает голову, размышляя об этой проблеме. Он мог бы понять, как поменять мой курс сейчас, но знает, что все его предыдущие планы не работают. Если это так, то я, вероятно, должен сообщить ему еще кое-что.

— Лютц — тот, кто всегда следил за Мейн. Всякий раз, когда она отделялась от остальных детей, возвращающихся из леса, Лютц оставался позади, чтобы сопровождать ее. Лидер отряда дал ему карманные деньги, но я думаю, что Лютц сделал это из-за сильного чувства ответственности.

Лютц в том возрасте, когда большинство мальчиков просто хотят побегать, однако он всегда рядом с Мейн. Не каждый мог бы это делать. Кстати, у меня нет такого сильного чувства; нет никого, кому я предан, помимо Коринны.

— Я не могу понять всех аномалий этой девочки, но этот мальчик тоже довольно странный, — говорит Бенно.

— Хм?

Бенно слегка потирает подбородок, похоже, что он что-то только что вспомнил. Его лицо темнеет:

— Эта девушка смогла устоять перед моим взглядом и четко изложить свое мнение. Более того, большинство людей обычно рассматривают такую болезненную девочку как неприятность, но Лютц, похоже, относится к ней, как к сестре. Он стоял перед ней, как будто пытался защитить ее от меня. Несмотря на это, как только она начала переговоры со мной, он отступил, как будто для него это было вполне естественно.

— Да, теперь, когда ты упомянул это...

Как сказал Бенно, он заявил, что передал все свои поводья Мейн, сразу после того, как она это предложила. Мне это не кажется обычным видом отношений под предлогом защиты. Интересно, какие между ними отношения?

— Не так много детей думает о том, когда им стоит первыми познакомиться с кем-нибудь или когда стоит первыми начать разговор. Кроме того, хотя я не смог получить какую-либо информацию от этой девочки, Лютцу она рассказала все, чтобы он мог сделать для нее что угодно. Если бы у меня была только Мейн, я бы ничего не добился от нее — это было бы бессмысленно. Если бы у меня был только Лютц, тогда девочка нашла бы кого-то другого для

осуществления своих планов. Гораздо лучше держать этих двоих вместе.

Я не могу не улыбнуться, когда вижу проявление интуиции торговца Бенно. Он не просто заметил Мейн, он также понял, насколько полезен Лютц, и, встретившись с обоими, он заметил все эти вещи. Бенно так же сообразителен, как и эти двое.

— У тебя острое обоняние, как всегда... Лидер отряда, похоже, тоже очень доверяет Лютцу. Он, кажется, тот, кто оказывает на нее наибольшее влияние. Он может помочь Мейн, когда та падает в обморок, и может помешать ей сбежать из-под контроля. Лютц очень умело помогает ей.

— Хм, если он может уверенно заявить, что сделает все, что придумает Мейн, он должен как-то поддерживать ее идеи. Лютц что-то сказал о том, что Мейн всегда была такой. Вероятно, есть еще кое-что, что она сделала, о чем я даже не подозреваю.

— Я думаю, они сделали много разных странных вещей. Разве они не говорили о чем-то вроде «глиняных таблеток»?

— Странных вещей? Черт, я понятия не имею, что они еще могут сделать! Несмотря на все, эти два являются одним набором. Я возьму их обоих. И не сдамся никому из вас.

Всего одним аргументом обсуждение было закрыто.

Коринна встает со стула и уходит, чтобы начать готовить обед. Она оставляет на столике лампу, маленькую бочку, если мы захотим наполнить бокалы, и некоторые закуски к ликеру. Жуя слегка соленый кусочек вяленого мяса, я смотрю на Бенно и наливаю себе еще один бокал.

— Эй, Бенно. Есть у тебя какие-либо представления о том, что происходит с Мейн во время лихорадки?

— Я никогда не испытывал такой сильной лихорадки, которая может поглотить меня настолько сильно.

Кажется, что у него есть предположение, что может произойти с девочкой, и, похоже, он действительно что-то знает. Вид у него такой, будто он беспокоится о том, должен ли что-то говорить.

Поразмыслив, Бенно что-то бормочет себе под нос.

— Это может... мучительно пожирать ее. Однако я не уверен в этом.

— Пожирать? Как это?

— Это не совсем болезнь...

Это состояние, когда у тебя слишком много маны, но ты ее не используешь. Она съедает тебя изнутри, а затем ты умираешь.

— Ч-что?! Это та мана, которая есть только у дворянства?

Мои глаза расширяются, как только я слышу это редкое слово.

Мана — это не для простолюдинов.

Это таинственная и мощная сила. Это не то, что встречается часто, поэтому я вообще ничего не знаю об этом, но, как говорится, ты можешь изменить курс наций, если тебе этого достаточно. Вот почему маной обладает дворянство, управляющее страной.

— Это не так распространено, но есть люди вне дворянства, у которых есть мана. Однако магические орудия, необходимые для ее выпуска, очень дороги, поэтому только дворяне и могут правильно ее использовать.

Бенно быстро поднимается в компании благодаря связям с дворянством, поэтому его знания о работе этой страны намного глубже, чем мои.

— Ха! У Мейн есть мана. Интересно, поэтому она такая странная?

— Разве я не сказал, что у меня нет доказательств? Однако, если это пожирает ее, это объясняет, почему она так мала для своего возраста и почему она так часто падает в обмороки.

— Мана так опасна?

Я думал, что мана чудесная, полезная, но загадочная, и если слабость Мейн является результатом волшебства, то мне интересно, опасно ли это.

— Если это как-то действительно пожирает, да. Если это пожирает, и она не может высвободить эту ману, эта девочка... скоро умрет.

— Чт-то?!

Образ Мейн, безумно любящей своего отца вспыхивает у меня в голове, и у меня возникает чувство, будто на меня вылили ведро холодной воды. Я в шоке смотрю на Бенно. Серьезное

выражения на его лице не похоже на какую-то шутку или дружеское подшучивание.

— Кажется, мана накапливается у кого-либо с возрастом и начинает пожирать его сердце. Есть много простолюдинов, у которых нет доступа к магическим орудиям, и которые просто умирают прежде, чем их успевают крестить.

— Что-нибудь можно сделать для Мейн? — Если кто-нибудь знает, как решить эту проблему, так это Бенно.

Он проводит пятерней по волосам и тяжело вздыхает:

— Если бы у нее была поддержка дворян, тогда они могли бы одолжить ей волшебное орудие и отсрочить ее смерть... По крайней мере, она была бы дееспособна, пока не умрет. Мейн жила только ради того, чтобы использовать свою власть благородно. Я не знаю, что бы я выбрал, будь я на ее месте: умереть в окружении семьи или прожить всю жизнь в качестве домашнего питомца.

Не было спасения ни в чем, как Бенно только что сказал. Честно говоря, я понятия не имею, какой из этих двух вариантов я бы выбрал. Я не хотел бы умирать, но я также глубоко не согласен быть любимцем дворянина всю жизнь.

— Это немного другая история, когда ты можешь сохранять внутреннюю силу, прикрывая ее своей силой воли.

У ребенка, однако, нет явной силы воли, чтобы сдерживать эту мощь на неопределенный срок...

Просто глядя на Мейн, я могу сказать, что у нее гораздо больше силы воли, чем у других детей в ее возрасте. Тем не менее, я не знаю, сможет ли даже она удерживать свою ману достаточно долго, чтобы не утонуть в страхе. Кажется, она держит страх под контролем, но если мана Мейн продолжает расти, как и она, я не думаю, что кто-то хоть раз думал о том, что будет, если мана достигнет своего предела.

— Отто, не будь таким серьезным. Мы до сих пор не знаем, насколько это пожирает ее. Посмотри на это так: если это действительно уничтожает Мейн, она очень близка к смерти, однако, как ты думаешь, Мейн смогла бы ходить и прогуливаться, если бы мана ее одолевала?

— Полагаю, ты прав...

Я немного успокоился, а гора беспокойства постепенно исчезала с плеч.

Правильно, Мейн, казалось, была близка к смерти бесчисленное количество раз. Теперь она может гулять, однако это стало результатом ее огромной борьбы этой весной.

Раньше я слышал, что она и правда не могла так ходить.

Неужели она будет в порядке?

Я не знаю, стоит ли мне сказать лидеру отряда об этом...

Переживание все же никуда не исчезло, лишь притихло. Я отставил подальше бокал.

<http://tl.rulate.ru/book/6509/296557>